

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

Т. М. Гарипов

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗУЧЕНИЯ КЫПЧАКСКИХ ЯЗЫКОВ
УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ**

Многообразный и разнородный фактический материал по современным кыпчакским языкам Урало-Поволжья — башкирскому и татарскому с их пятью диалектами и едва ли не вдесятеро большим количеством говоров, охватывающим обширные пространства Евразии от бассейна Волги на западе до Сибири на востоке¹ — требует рассмотрения под разными углами зрения.

При рассмотрении названных лингвистических общностей в генетическом аспекте устанавливается происхождение их из единого языкового источника — тюркского праязыка.

Структурно-позиционный подход с его четкой стратификацией лингвоединиц по ярусам и звеньям синхронно описываемых систем знаков на различных эволюционных фазах их диахронии дает возможность, с одной стороны, противопоставить явления языка как совокупности инвариантов (прежде всего семиологических) и речи как варьирующихся наборов аллоэмических элементов; строго разграничивает, с другой стороны, внешне- и внутрилингвистические факторы исторических изменений в характеризуемых структурах, включая утверждение зависимости пострадикальных уподоблений и выделение роли контактных (иноязычных) вхождений. При типологическом анализе выявляются изоморфные и алломорфные черты в планах выражения сопоставляемых языков при относительной константности их универсалий в плане содержания.

Далее, ареальная лингвистика предоставляет в распоряжение исследователя пространственное размещение изоэм и аллоэм как в пределах родственных языков, так и между гетерогенными компонентами языковых союзов.

Наконец, материалистическая глоттология прочно базируется на принципе неразрывности истории языка с историей его носителя-народа, хотя связь эта преимущественно опосредована. Во всяком случае, пути этно- и глоттогенеза чаще пересекаются и расходятся, нежели следуют параллельно.

Так, складывание башкирской и татарской народностей, несмотря на превалирующее сходство их языковых структур, осу-

ществлялось далеко неадекватно. Новейшие воззрения на этническую историю башкир свидетельствуют о чрезвычайно сложной и пестрой картине формирования данной социальной популяции на базе местного автохтонного начала — так называемого дотюркского субстрата Приуралья — и при широком участии миграционных потоков, связанных с великими переселениями древних народов Евразии, особенно центральноазиатского и приаральского происхождения.²

Не менее противоречива история проникновения тюркоязычного этника в Поволжье с последующим распределением соответствующих черт материальной и духовной культуры между татарскими и чувашскими племенами.

В сложении же башкирского и татарского языков, помимо исходной общетюркской основы и входивших в них (по мере продвижения «протобашкир» и «прототатар» на территории своего нынешнего расселения) индоевропейских и финно-угорских элементов, принимали достаточно деятельное участие неоднократные воздействия тюркского же этнолингвистического материала, но восходящего к разным классификационным группам.

К каким же установлениям историко-языковедческого характера приводит наше исследование, комплексно использующее и данные, полученные в итоге компаративистских штудий, и сравнительно новые методы ареалистики и контактологии, и отдельные приемы структурно-типологического анализа?

Расположим свои суммарные наблюдения и выводы в порядке «возрастания» относительно-хронологической перспективы от первых засвидетельствованных в Урало-Поволжье языковых фрагментов вплоть до их современных рефлексов в сочетании с неизбежными инновациями, а также с попытками предугадать дальнейшее региональное развитие глоттогонической ситуации в доступном прогнозу будущем.

Для удобства рубрикации обозначим каждый этап в соответствии с наиболее характерным для него, доминирующим языковым источником.

I. Д о т ю р к с к и й этап не имеет верхней лингво-хронологической границы. Судя по археологическим квалификациям этнокультурного состава населения древнейшего Урало-Поволжья, последний к III в. н. э. складывался в основном из ираноязычной (сарматской) и финно-угорской общностей.

К сожалению, иранские языковые реликты не опираются на памятники, зафиксированные письменностью, не локализируются хотя бы маргинально и относятся нерасчлененно ко всему тюркскому этносу, а не только к его урало-поволжской периферии.³

Контуры финно-угорского, особенно древнемарийского и отчасти древнемagyarского субстрата в тюркских языках Поволжья—Приуралья начинают вырисовываться все очевиднее благодаря трудам Б. А. Серебряникова в этой области. В последние годы исследователь вплотную подошел к обоснованию идеи

о реальном существовании Волго-Камского языкового союза в составе финно-угорских и тюркских языков, доказательством чего служит тотальное распространение в них таких отличительных черт, как редукция задне- и переднерядных гласных, лабиализация *a*, тенденция к ослаблению смычки при произношении аффрикат, очевидная общность выражения грамматических значений в сферах морфологии и синтаксиса.⁴

Присоединим сюда лексические финно-угризмы, специальный анализ всего выявленного количества которых пока еще ставится как задача на будущее: башк. и тат. *бура* из марийск. *пура* 'сруб'; *букән* 'чурбан' из удм. *пукон* 'стул'?; ⁵ башк. *ма-тур* и тат. *ма⁰-тур* из мар. *мотор* 'красивый'; соотв. *мышы* и *пйши* 'лось' из фин.-уг. *пучо/пужей* 'олень'.⁶

Не исчерпала себя и гипотеза, выдвинутая Н. К. Дмитриевым, о сдвиге тюрк. *s-* в башк. *h-*, типологически поддержанном его аналогом в иранских и, возможно, финно-угорских языках.

II. Т ю р к с к и й этап начался задолго до прихода тюркоязычных кочевников на Урал и Волгу, в эпоху существования праязыка. Примерно из 1200 описанных нами исконно тюркских словоформ, в подавляющем большинстве своем представляющих односложные корни и простейшие дериваты, до 1000 лексем, или 83%, уверенно возводятся к пратюркской эпохе либо реально фиксируются как межтюркские параллели.⁷ Однако фонемный состав и дистрибуция аллофонов не были однородными в пределах всего праязыкового континуума, который сам расчленяется на ряд срезов.

1. Раннепратюркское состояние, вероятно, не дифференцировалось по диалектам и характеризовалось неразличением согласных по силе и слабости, а гласных по ряду и подъему. В целом о пратюркской фонологической системе в компаративистике высказывались достаточно определенные предположения В. В. Радловым, Г. Рамstedтом, М. Рясняном, Л. Базэном, Н. Поппе, В. М. Илличем-Свитуычем, К. Х. Менгесом, Н. А. Баскаковым, А. М. Щербаком и др. Если попытаться кратко обобщить позиции этих исследователей, то окажется, что фонемный состав пратюркского ранней поры мог включать в себя от 28 до 42 структурных единиц: 20—26 согласных и 8—16 гласных. Господствующим в гипотетических построениях является признание самостоятельными звукотипами двух рядов гласных: кратких и долгих.

Выясняется также, что остаточный синкретизм между консонантами и гоморганными гласными (губные согласные — огубленные гласные, соответственно палатальные — переднерядные, веларные — заднерядные и т. п.) должен как будто бы свидетельствовать в пользу догадки о некогда едином типе первоначальных фонационных элементов — силлабем, силлабофонем, протофонем, группофонем, недифференцированно включавших в себя прообразы нынешних согласных и гласных, которые выполняли свою смысловоразличительную функцию лишь совместно в составе

слога, равного односложному слову (см. глоттогонические разыскания В. К. Журавлева, А. А. Леонтьева и др.).

Однако, основываясь на этом, нельзя утверждать, на наш взгляд, примат той или иной категории фонем, как это пытались делать Я. ван Гиннекен, И. Крамский и М. Моллова, опираясь на положение Г. Шарафа о «безгласности» звукоподражаний типа тат. *пшт* 'шу-шу', с чем не согласился Н. С. Трубецкой.⁸ Даже если признавать отсутствие полноценного гласного в мимеме *ꞥлт* (подражание внезапному, неожиданному), — в чем до экспериментальной проверки этого явления мы позволим себе усомниться, — отсюда вовсе не следует, что могут существовать тюркские слова из одних консонантов: просто в подобном случае *л* должен расцениваться как слогообразующий согласный, функционально равный гласному.

Дискуссионными вопросами для раскрытия раннепратюркского состояния остаются также восстановление *ж* Н. Поппе и К. Х. Менгесом, постулирование А. М. Щербаком *с*, фонематичность долгих гласных (сам факт существования долгот, за крайне редкими исключениями, не подвергается сомнению), характер переднерядного широкого гласного (*э* и/или *э*) и т. д.

Особенно много споров ведется вокруг деления пратюркских согласных на инициально-анлаутные и все последующие (постлаутные). В основном здесь противоборствуют, как известно, две концепции: допускающая функционирование в абсолютном начале слова звонких (Г. Рамстедт, М. Ряснен, К. Х. Менгес и др.) и считающая возможным в указанной позиции участие лишь сильных-глухих-несонантных (А. М. Щербак); ср. гипотезу В. В. Радлова о неразличении глухости-звонкости в древнеуйгурском, которую недавно подтвердил новыми аргументами Э. Р. Тенишев. Из всего этого комплекса вопросов кажется бесспорным лишь мнение о численном — приблизительно двойном — превосходстве неначального консонантизма над начальным.

2. Остальные моменты могут быть успешнее решены, будучи перенесены в несколько иную языковую плоскость, — назовем ее условно среднепратюркской. Здесь уже определено допускается сосуществование глухих и звонких — на первых порах, вероятно, как аллофонов, реализующих консонантное начало в условиях внешнего сандхи. Так, наряду с прежним *п*- мог появиться его оппонент *б*-, рядом с *ч* — *ж* и т. п. Инициальный *й*, видимо, был первичен (перед «не-й») и ранее, но выступал не как сонант, а как обычный шумный. Возможно, сюда же следует отнести возникновение конфронтации отдельных частей праязыковой общности по ламбдаизму — сигматизму и ротацизму — зетаизму.

Накопец, с этим же срезом пратюркского может быть связано «расщепление» гипотетического *Schwa turcicum* на *э* и *э*.⁹

3. Позднепратюркский в нашем представлении отмечен значительными диалектными колебаниями, приведшими его в конце концов к распаду по крайней мере на 5 классификационных зон,

прямое воздействие которых на языки нашего ареала обобщается ниже. Пока же обратим внимание на возможность появления м- как нового члена оппозиции билабиальных и широкоую аллофонию практически по всем фонемам, унаследованным современными тюркскими языками, включая и нулевые (например, долгие гласные, иррелевантные для кыпчакских языков).

4. Древне-, средне- и новотюркское время достаточно охарактеризовано в специальной литературе, поэтому непосредственно обратимся к последствиям контактирования местных языков Урало-Поволжья с представителями разных диалектных ветвей тюркского праязыка.

1) Гуннское нашествие (III в. до н. э.—V в. н. э.) вовлекло в свою орбиту разноплеменное, в том числе и тюркоязычное, население, о чем можно судить по немногим сохранившимся глоссам: гунн. *t'uk tâng* 'удержать' / башк. и тат. *mõt-* 'держать', *туқта-* 'остановиться, перестать';¹⁰ гунн. *var* ~ чув. *var* / башк. *уз*, тат. *уз* 'середина, живот', гунн. *hār-kä* (имя жены Аттилы), ср. герм. женск. имя 'Эрика' / башк. и тат. *иркә* 'нега'.¹¹

2) Булгарский племенной союз (II—IX вв. н. э.) оставил в языках Поволжья—Приуралья первый мощный пласт, что эксплицитно выразилось в его унаследовании чувашским языком, заимствовании не менее 227 лексических булгаризмов венгерским, а имплицитно выявляется также в татарском и башкирском: ср. венг. *alma* и башк. *алма*, тат. *а'лма* 'яблоко', соотв. *kender* и *киндёр* 'конопля' и др.

Подобные сопоставления дают ряду исследователей повод для широких этнокультурных и языковых экстраполяций булгарского присутствия в Поволжье и Северном Предкавказье на такие общности, как чувашская, татарская и башкирская. При этом все большим сочувствием пользуется не столько признание булгарского субстрата лишь в одном каком-либо народе и языке, сколько более конструктивная теза о параллельном обнаружении (разумеется, в разных масштабах) булгарского стратума в становлении всех трех народов, антропологически немонолитных даже каждый сам по себе, но тесно связанных между собою узами близкого (для башкир и татар) и отдаленного (для них же и чувашей) языкового родства.

Меньшей популярностью обладает идущая от З. Гомбоца теза о предполагаемой идентичности древнебулгарского если не с пратюркским, то с орхоно-енисейским, особенно в сфере вокализма.

К булгарскому же периоду отнесем утрату смычки у аффрикат ч и ж, спонантизацию их в башк. с и ж, тат. ч и ж', что могло быть вызвано и финно-угорским окружением.¹²

3) Огузское влияние на языки Урало-Поволжья носило, по видимому, менее интенсивный характер и в силу своей относительной непродолжительности, к тому же еще и небеспрерывной (с VIII по XII в. н. э.), и вследствие смешанного огузо-кыпчак-

ского состава новых (после гуннов и булгар) кочевых волн, двигавшихся с востока на запад.

Огузским по происхождению считается *й*- в башкирском и мишарском (возможно, и в сибирско-татарском) вместо «кыпчакского» *ж*' в казанском. Близким к аналогичной характеристике является частное озвончение башк. и сиб. *к*- и *к*': *алты геше* 'шесть человек'. То же историческое ослабление *т*- наблюдается в нукратском и мензелинском говорах, мишарском фольклоре,¹³ айском говоре.¹⁴ Кстати, башкиры-айцы квалифицируются в этнографической литературе как огузские пришельцы с берегов Сыр-Дарьи.¹⁵

4) Среднеазиатско-тюркский слой усматривается предпочтительно на уровне книжно-письменной речи и, стало быть, тяготеет к истории казанско-татарского литературного языка, который черпал свои традиции из недр таких культурных центров, как Булгар, Сарай и прочие ставки золотоордынских ханов. Из факторов домонгольской поры необходимо назвать довольно оживленные торгово-экономические и культурно-клерикальные связи Поволжья, в меньшей степени — Приуралья, с Мавераннахром, что заметно укрепило позиции локального варианта «тюрки» и его наследника — старотатарского литературного языка. Среднюю же Азию следует признать основным поставщиком множества арабизмов и персизмов, проникавших и после установления Золотой Орды предпочтительно не устным путем.

В башкирском же известную конкуренцию потоку ориентализмов составили, начиная с XVI в., старорусизмы, поскольку башкиры, как и многие другие тюрки-кочевники, подпавшие под эгиду ислама, до самого Октября значились плохими мусульманами — во всяком случае, по сравнению с оседлыми татарами, узбеками и др.

В чисто лингвистическом плане между кыпчакским Урало-Поволжьем и карлукским Двуречьем установились общие изоглоссы вроде тат.-башк. *бул*- и узб. *бўл*'- 'быть', тат. *қа'лбан* и башк., уйг. *қалбан* 'остался он', тат. *та'ш*, башк. *таш* и узб. *тош*, уйг. *таб* 'гора'; см. также сохранение глухих *к*- и *к*'- при их интервокализации в тат. *икё кёшё* 'два человека'.

5) Связи с сибирско-тюркским ареалом коснулись более всего наречий татар Сибири, возникших в результате смешения племенных диалектов кыпчакского типа с местными восточно-тюркскими языками.¹⁶ Отдельные черты сходства, особенно по линии глухости/звонкости согласных, обнаруживаются между зауральско-башкирскими говорами и хакасским языком.

Периферийными должны признаваться и отношения с нетюркскими языками Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока — монгольскими и тунгусо-маньчжурскими, а также с китайским. Как и следовало ожидать, подобные контакты характерны для большей части восточноазиатского массива тюрков, чем для их отдельных группировок, продвинувшихся на запад и за Урал.

Примеры монголизмов: башк. и тат. *буран* 'буран', *һыҫ* 'крепкий', *ҡула* башк. 'ведро', тат. 'жесть', башк. *батһыр*, тат. *ба'тһыр* 'богатырь', соотв. *тамба* и *та'мба* 'тамга', башк. *ҡонажын* *'кобыла 2-3 лет', тат. *на'рат* 'сосна' и др.

Ср. также немногочисленные китаизмы: башк. и тат. *мәүгә* 'вечный', башк. *һыһн* и тат. *һыһн* 'истинный' и пр.

6) Кыпчакизация тюркских языков Европы явилась решающим этапом их развития, определившим всю последующую классификационную характеристику. Начавшись с появлением в бассейнах Волги и Яика крупных масс степняков (печенегов с VIII в. н. э., половцев с XI в.), кыпчакская этноязыковая экспансия достигла своего апогея в XIII—XIV вв., т. е. в первые столетия монголо-татарского господства. Именно этим временем может быть датирована кардинальная перестройка местных тюркских наречий, исключая чувашское, на кыпчакской основе, что привело их после XV—XVI вв. к окончательной консолидации в общенародные башкирский и татарский языки.¹⁷

Кыпчакский период принес урало-поволжским языкам не столько количественные, сколько глубокие качественные изменения. Из уже приведенного числа в 1200 тюркских лексем лишь около 200 (или 17%) определяются как сугубо кыпчакские, в том числе по 60 (по 5%) как общекыпчакские и урало-поволжские, а остальные 80 (7%) как разностные башкирские и татарские.¹⁸

Гораздо более ощутимые последствия для выделения названной подобности кыпчакских языков имели свершившиеся в них звукопреобразования *э* в *и*, *ө* в *у*, *о* в *у* и некоторые консонантные расхождения.

Считающийся обычно кыпчакским *ж-*, *ж'-* в действительности характеризует и другие классификационные группы тюркских языков. Поэтому его лучше именовать «неогузским».

Почти то же можно сказать о форме на *-бан*.

7) Последним по времени из межтюркских контактов в исследуемом ареале было и есть тесное башкирско-татарское языковое взаимодействие, наиболее активно протекавшее с XVIII—XIX вв. Впрочем, ср. название книги, изданной в 1923 г. в Уфе: Ф. и С. Сейфи. «Самоучитель татаро-башкирского языка или руководство научиться без помощи учителя читать, писать и говорить по татаро-башкирски». Термин «татаро-башкир» употреблялся даже в официальном делопроизводстве как название национальности и т. д.

Главными итогами этого сложного процесса наряду со становлением соответствующих национально-литературных языков было образование переходной диалектной зоны на северо-западе Башкирии и востоке Татарии (мензелинский говор), а также речевое размывание границ отдельных этнических групп в иноязычном окружении (тептяри, гайнинцы и др.). Продолжающееся взаимодействие башкирских и татарских говоров является постоянным

объектом пристального внимания и изучения со стороны многих языковедов Уфы и Казани.¹⁹

Итак, сочетание внутренних и внешних факторов генетического и ареального развития кыпчакских языков Урало-Поволжья обусловило их специфику среди остального тюркоязычного мира.

Школа неолингвистики (Дж. Бонфанте и др.), сильно упрощая действительное положение вещей, вполне могла бы представить историю башкирского языка как последовательное наложение друг на друга и вытекающее из этого смешение таких подчас генетически далеких, но чаще структурно сходных систем, как субстратно индоевропейская и финно-угорская + болгарская + огузская + кыпчакская + (отчасти) сибирская.

Положение татарского языка с этих же позиций выглядело бы почти так же, но с обязательным включением узбекско-уйгурского компонента и, пожалуй, без заметного участия индоевропейского.

Следовательно, структурно-типологические характеристики двух близкородственных языков разнились бы при таком подходе одним-двумя собственно-тюркскими показателями: огузско-сибирским в I случае, среднеазиатским во II. Однако критериальная оценка существенных параметров башкирского и татарского языков вряд ли значительно выходит за пределы понятия «болгарская и кыпчакская языковая среда с весьма ощутимой финно-угорской подосновой». Поэтому в известной классификации тюркских языков в целях вящей хронологической последовательности стоило бы поменять местами составные части сложного наименования соответствующей лингвистической рубрики, представив ее как «болгарско-кыпчакскую подгруппу кыпчакской группы тюркских языков».

Ведущим же методом определения места и взаимоотношений исследуемых общностей, составляющих тюркскую языковую семью, остается, по нашему убеждению, выявление совпадающих и коррелирующих слов при тщательном учете изофон, изоморф и изосем, а также ограничении иноязычных заимствований.

Основанное на подобной методике описание материального строя и системных отношений на фонемном, морфемном и лексемом уровнях двух близкородственных кыпчакских языков Урало-Поволжья предложено нами в работе, готовящейся к изданию отдельной книгой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁹ Диалекты башкирского языка: восточный (в составе 5 говоров — айского, аргаяшского, кызылского, миасского, салытского) и южный (5 говоров — бурзянский, демский, ик-сакмарский, инзер-еземский, каридельский).

Татарские диалекты: казанский (свыше 25 говоров, в том числе заказанская, кряшенская и нагорная группы говоров), мишарский (до 13 говоров, преимущественно за пределами ТАССР) и сибирский (в составе тоболо-иртышского, барабинского и томского наречий с их 7 говорами и 2 подговорами).

² См.: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

³ Ряснянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 131; Немец Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии. — ВЯ, 1963, № 6, с. 128; Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, с. 142; Clouston G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972, p. 308, 771.

⁴ Серебренников Б. А. 1) О некоторых следах влияния финно-угорского субстрата в языке казанских татар. — В кн.: Академику В. В. Виноградову к его 60-летию. Сборник статей. М., 1956, с. 214—224; 2) К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963; 3) О некоторых отличительных признаках Волго-Камского языкового союза. — В кн.: Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972, с. 7—17; 4) Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 352.

⁵ Егоров В. Г. Этимологический словарь, с. 165, 163.

⁶ Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 1427.

⁷ См.: Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья (опыт синхронической и диахронической характеристики). М., 1974, с. 18—20.

⁸ Соответствующую литературу вопроса и ее критику см. в кн.: Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 138—141.

⁹ Детальнее об этом: Гарипов Т. М. К установлению типологических черт восточно-кыпчакского вокализма. — В кн.: Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. Баку, 1972, с. 116—119.

¹⁰ Benzling J. Das Hunnische, Donaubulgarische und Wolgabulgarische. — In: Philologiae Turcicae Fundamenta, T. I. (Wiesbaden), 1959, S. 686—687.

¹¹ Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen. Helsinki, 1969, S. 376 B und 48 B.

¹² Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с. 271.

¹³ Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан, 1969, 621-енче бит.

¹⁴ Максютова Н. Х. Говор башкир долины реки Ай. — В кн.: Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959, с. 19—21.

¹⁵ Кузеев Р. Г. Этнический состав, история расселения и происхождение башкирского народа (историко-этнографическое исследование). М., 1971, с. 39.

¹⁶ Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. М., 1969.

¹⁷ Фасеев Ф. С. Краткий грамматический справочник татарского языка. — В кн.: Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов. М., 1966, с. 809.

¹⁸ Специально об этом см.: Гарипов Т. М. Башкирско-татарские языковые параллели. — В кн.: Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972, с. 59—211.

¹⁹ См., например: Языковые контакты в Башкирии. Тематический сборник. Уфа, 1972, с. 276 сл.; Афлетунов А. Ш. Языковые особенности татар западной и юго-западной части БАССР. Казань, 1961.